

Рашит Закиров

Стакан

Юбилей отметили скромно, без особой помпы, гостей было мало, приехали лишь старые друзья: Володька Платонов и Серёга Скрябин, сын со снохой, дочь с зятем и близкие родственники со стороны супруги. Своих родных почти уже не осталось.

Утром хозяйка устраняла последствия вчерашнего пиршества: мыла посуду, пылесосила ковры, а вчерашний юбиляр рассматривал подарки. Свояченица Нина подарила комплект постельного белья, будто у Сипкиных своего не хватало.

— Глянь-ка, Аня, — окликнул он супругу, рассматривая в руках пакет с бельём. — Не тот ли это комплект белья, который Нинке ещё на новоселье подарила Галка? Как ты думаешь?

Супруга ничего не ответила, потому что такой вариант был вполне вероятен, лишь пожалала плечами. Нинка никогда не тратилась на ценные подарки, экономя каждую копейку, дарила то, что самой не пригодилось. Полученные подарки бережно прятала в шкафы и сундуки, надеясь всучить это кому-нибудь по случаю. Сёстры знали её повадки и достойный подарок от неё никогда не ждали.

Другая свояченица, также лишённая фантазии, подарила чайный сервиз. При поверхностном рассмотрении вчерашний именинник без труда выяснил, что сервиз был бракованный. Видимо, на заводе его забраковали, ушлый коммерсант купил его за бесценок в надежде толкнуть на рынке какому-нибудь простаку. И этим простаком, конечно же, оказалась Верка, которая никогда бы не осмелилась купить подобный сервиз в магазине, где он стоил бы в разы дороже.

— Ни хрена путного твои сёстры никогда не подарят, даже своим родным, — без особого огорчения констатировал Сипкин, давно привыкший к такой традиции. — Уж лучше бы ничего не дарили. Такие чашки на стол перед гостями не поставишь, засмеют. Придётся выбросить, только место занимают... или Нинке всучить на очередной день рождения, глядишь, лет через несколько обратно к Верке и вернётся.

Среди прочих подарков был столовый набор: вилка, столовая и чайная ложки и подстаканник из серебра восемьсот семьдесят пятой пробы. На каждой была гравировка: «Папе от сына» и «С юбилеем».

Подарки сына обрадовали отца: вещи в быту полезные, красивые, дорогие, из драгметалла. «Тыщ двадцать, поди, стоят, — подумал он, — считай, месячный заработок. Не поскупился сынок».

Ему вспомнилось, как сам в ранней юности подарил отцу, тоже на пятидесятилетие, золотые часы «Полёт» стоимостью сто восемьдесят рублей — полторы своей месячной зарплаты. Сипкин их надевал редко, берёт как реликвию, которая, по его мнению, будет переходить из поколения в поколение. Носить на руке дедовские золотые часы с надписью «Сделано в СССР», тем более часы прадеда — это дорогого стоит, и не каждый может этим похвастать.

— Под старость буду жить по-царски, на злате-серебре есть, — пошутил вчерашний именинник. — Опять же, по наследству внукам достанется от деда, вечная ценность. В самый чёрный день хоть на буханку хлеба да сменяешь.

Нацепив на нос очки, он вертел подстаканник в руках, осматривая его со всех сторон, цокал языком, прикидывая его на вес.

— Нас у деда было пятнадцать: пять внуков и десять внуков, — а никому дед ничего на память не оставил, хоть бы по какой-нибудь мелочёвке каждому с надписью «Антону от деда» или ещё там чего. Какая бы всё-таки память от предка осталась. — Серебро положено на серебряную свадьбу дарить, — поделилась своим мнением хозяйка, вытирая полотенцем посуду.

— А мы отмечали хоть её? — повернулся к жене Антон Лукич, посмотрел на неё поверх очков и с укоризной добавил: — Эх ты, тютя-матютя, прошла — и не заметили даже.

— Стакан к нему нужен тонкостенный, — молвила супруга, — в каких раньше чай в вагонах разносили. — Да с этим-то какие проблемы? — отмахнулся он, убирая сыновний подарок в буфет. — Уж в магазинах теперь всё есть, были бы деньги, не то что при социализме.

— Ну да, — возразила супруга. — А помнишь, ты недавно жаловался, что опасную бритву не можешь найти в магазине? А говоришь, всё есть.

— Да кто теперь опасной бритвой бреется? Всё «жилеты» там всякие разные, с плавающими ножами, с программным управлением, лазерным питанием, ядерной накачкой и чёрт-те что ещё.

Спроса нет, потому и не продают, как чернильницы-непроливашки, например.

Ложки и вилка сразу нашли своё применение, радуя своего обладателя, а подстаканник долго стоял в буфете, напоминая хозяину о необходимости приобретения стакана.

Сипкин иной раз глядел на подарок и представлял, как он заварит чай с душицей, нальёт его в стакан, кинет дольку лимона, плеснёт ложечку коньяка, ликёра или рижского бальзама и будет наслаждаться ароматом.

Его супруга всегда пила чай с молоком, лишая себя настоящего удовольствия, чем постоянно раздражала своего благоверного, снижая его аппетит за чаепитием.

— Ну что это за напиток?.. — кривил он губы, пытаясь образумить жену и направить на путь истинный. — Лимона не положишь, коньячку или ликёра не плеснёшь... Опять же, не видно, что там плавает, в этой мутной субстанции, — может, муха какая или козявка. Проглотишь и не заметишь. Чай и молоко — ингредиенты несовместные, — делал он философское умозаключение.

Но супруга была непоколебима в этом вопросе, потому что родилась и выросла в далёкой глухой деревне и с раннего детства её приучили пить непрозрачный чай, в котором могло скрываться всё, что угодно. Она бы скорее выпила чай без заварки, чем без молока.

Антон Лукич по случаю посещал в магазинах отделы посуды, но то, что его интересовало, не попадалось. Казалось, что всё есть: фужеры, бокалы, с ручками и без, с надписями, аппликациями, гранёные и хрустальные, всяких форм и объёмов, но нужного тонкостенного стакана с каёмочкой не попадалось.

Прошло два месяца. В один из погожих сентябрьских дней, когда солнце ещё радует своими лучами, а ветер уже грозит простудой, Анна Сипкина, в спортивном трико и выцветшей футболке, совершала плановую стирку и развешивала на балконе бельё для просушки. Всецело поглощённая процессом, она не заметила возвращения супруга и, услышав его голос, вздрогнула от неожиданности.

— Нет, ты глянь, а... — начал он высказывать ей своё возмущение, энергично жестикулируя. — Ну нет нужных стаканов, и всё тут. Всякие есть, а вот для подстаканника нет нигде, ни в цуме, ни в «Торговом центре», всё обошёл — одно золото и сотовые телефоны, будто нам для полного счастья только это и надо.

— А на рынке смотрел? — не оборачиваясь, спросила хозяйка.

— Смотрел. Да толку-то... — безнадежно махнул он рукой. — Выпускать их перестали, что ли?.. В оружейном всякие автоматы, пулемёты, только плати... А стаканов нет.

— Не только стаканов, — возразила супруга, не отрываясь от своей работы. — Вот я тебе майки искала, тоже нет нигде, даже на рынке у китайцев. — Какие майки? — не понял муж.

— Обыкновенные, хлопчатобумажные, — она ткнула на майку, висевшую на верёвке. — Твои же давно износились, стыдно одеть. Ладно хоть не видит никто.

— Надеть, — поправил по привычке Сипкин. — Сколько тебя можно поправлять?..

Она повернулась к мужу и продолжила: — Футболки спортивные, с надписями, аппликациями, майки пляжные с трафаретами — тех полно везде, а обыкновенных маек нет. Где искать, даже не представляю.

— Вот тебе и капитализм, — поддержал её муж, — чего не было при социализме, того полно, а чего было навалом, хрен найдёшь.

— Или вот тёплых шерстяных чулок тоже нигде нет, а раньше в любой галантерее завались было. Только синтетика с кружевной резинкой на силконе, чтоб мужиков соблазнять.

— Да кто их сейчас носит? Кому они на фиг нужны? — возразил супруг. — Разве что старухам. Тоже нет спроса, все на колготки перешли, да и те носят под штанами. Вон глянь, — он показал пальцем на улицу. — Все в штанах, и молодые, и старухи. Одни ангелы кругом.

— Каво?.. — не поняла супруга, повернув голову в сторону мужа. — Какие ангелы?

— Да я говорю, мода какая-то пошла, что ли, на Ангелу Меркель? Так похожа на нашего президента. — В смысле? — опешила супруга. — На Путина, что ли?

— Ну да. Его тоже никто не видел в платье или в юбке, везде и всегда в штанах, без макияжа, без причёски, без маникюра, и тоже серёжек не носит. Прямо канцлер-трансвестит. Выбрали же, блин... самую красивую.

Сипкин сплюнул от досады и посмотрел вниз, не попал ли случайно на прохожего, помолчал немного и продолжил тему, опёршись на перила балкона:

— Видишь хоть кого-нибудь в чулках? Даже вон та бомбёжка, что на остановке стоит... Как только она свой зад в штаны втиснула? — удивлялся он, покачивая головой. — И где она такие брюки отыскала?.. Платье хоть сгладило бы дефекты её фигуры, и она не выглядела бы так карикатурно.

Внимательно посмотрев туда, где у жены должна располагаться галия, Антон Лукич поморщился и продолжил:

— Или вон мамаша в джинсах и дочь-школьница тоже в джинсах. Никого в платье или в юбке нет.

Супруга посмотрела вниз с балкона, слепощуясь, огляделась по сторонам.

— Правда что... — удивилась она. — Никогда не обращала внимания.

— А я давно уже стал обращать внимание. Стрельнешь глазами по улице в поисках пары стройных ножек и даже одну ногу не находишь. Нечем удовлетворить свой утончённый эстетический вкус.

Сипкин покосился на ноги жены, опять скорчив гримасу.

— Эх, кобель старый! — повернулась к нему супруга и замахнулась на него мокрым полотенцем. — Шестой десяток разменял, а всё налево тебя тянет.

— Да ладно ты, — протянул муж, слегка подавшись телом назад, уклоняясь от мнимой угрозы. — Я же внимание обращаю на всё, что меня окружает, анализирую, пытаюсь получить наслаждение от красоты окружающего мира. Да и мужик же я всё-таки, а не просто представитель мужского пола. Обрати внимание, на остановке тоже все в штанах, курят всего двое, и то бабы. Видишь?..

Он опять показал пальцем в сторону остановки.

Сипкина, прищурившись, тоже посмотрела в ту сторону, заслонив солнце ладонью.

— Я и вблизи не различу, баба это или мужик, — пробормотала она, — когда без очков. Одеты одинаково, причёски тоже, серьги в ушах.

— Ну... если курит, значит, баба, — констатировал Сипкин и показал пальцем в сторону. — Вон молодуха коляску толкает, и возле ларька две продащицы курят, больше курящих нет. Мужики, видимо, уже давно побросали, не хотят сосать всякую гадость, надеясь получить сомнительное удовольствие.

— Да ей просто морду бить некому. Небось, ещё грудью кормит, — пробурчала супруга, защемляя прищепками простыню. — А вот у нас в Тырныаузе...

— А в Саудовской Аравии или в Иране... — перебил её муж. — Распустили мы вас, в наше время даже шалавы стеснялись курить прилюдно.

— Ты езжай лучше в «Посуда-центр», — прервала его жена и вернулась к началу разговора, — магазин всё-таки специализированный, и там есть всё, как в Греции.

Вняв совету бывалой хозяйки, наш герой в ближайший выходной посетил «Посуда-центр» и увидел на бесчисленных стеллажах много всяких круглых стаканов без ручек, правда, не было тонкостенных. Но это было лучше, чем ничего, к тому же стоили совсем ничего.

Выбрав понравившийся стакан стоимостью пятнадцать рублей, Антон Лукич пошёл оплачивать покупку. Кассирша, не обращая внимания на покупателя, взяла из его рук пятидесятирублёвую купюру, потыкала пальцами по калькулятору и, глянув на результат, выдала сдачу. Сипкин, не считая, сгрёб мелочь, сунул в карман и покинул магазин.

Вернувшись домой в приподнятом настроении, он разулся и первым делом проследовал на кухню,

достал из бумфета подстаканник и... покупка оказалась намного шире подстаканника. Глазомер сильно подвёл нашего героя.

— А, ч-ч-чёрт... — пробурчал он от огорчения, вспомнив недобрым словом врага рода человеческого. — Надо было подстаканник взять с собой или диаметр замерить.

В следующий выходной Сипкин взял с собой подаренный подстаканник и поехал туда же, где без труда выбрал себе стакан, точно подходящий по размеру, стоимостью всего лишь одиннадцать рублей пятьдесят копеек.

— Надо же, — высказывая он кассирше, выписывавшей чек, — одиннадцать рублей стакан, а на дорогу тридцать восемь рублей, более чем втрое больше. Как говорится, за морем телушка — полушка...

Вынув из кармана сторублёвку, Сипкин добавил к ней полтора рубля мелочью, чтобы кассирше легче было сосчитать причитающуюся сдачу. Кассирша по привычке, не поднимая глаз на посетителя, потыкала на кнопки калькулятора и вернула сдачу. Положив стакан с подстаканником в пакет, Антон Лукич в хорошем расположении духа поехал домой, в надежде за ужином попить чаю с лимоном из стакана в серебряном подстаканнике.

Открывая ключом дверь квартиры, Сипкин неосторожно стукнул металлической дверью о пакет, и звон разбитого стекла известил его о случившемся.

— А, ч-ч-чёрт... — вырвалось у него, и наверняка вновь икнулось лукавому.

Он заглянул в пакет, сунул туда руку и с сожалением вынул осколки. В ту же минуту покупка оказалась в мусорном ведре. «Ещё на пятьдесят рублей придётся раскошелиться», — мелькнуло в голове.

Но теперь наш герой не стал утруждать себя ношением при себе подстаканника, он свернул копию чека, по которому приобрёл покупку и сунул его в карман, чтобы, мимоходом зайдя в «Посуда-центр», купить точно такой же.

Однако через неделю в магазине не оказалось стаканов такого артикула. Молодая женщина-менеджер торгового зала добросовестно пыталась помочь, стараясь угодить покупателю, но тщетно. — Возьмите другой, — советовала она потребителю. — Какая разница?

— Да мне нужен именно такой, — объяснял покупатель продавцу свою привередливость, — чтобы в подстаканник влез, точно по диаметру совпадал. — Надо было тогда взять его с собой, — укоряла дама такого безалаберного, по её мнению, покупателя, — сразу и подобрали бы.

— Ну, если бы знал... — огорчённо развёл руками покупатель, оправдывая свою оплошность. — Чек есть, параметры стакана указаны, чего ещё?.. Не таскать же всегда при себе подстаканник.

— Приходите в другой раз, — решила дамочка извратиться от другого покупателя. — Будут поступления, тогда и купите.

Прошло несколько недель, пока Сипкин не выкроил свободное время для посещения магазина. Предъявив уже изрядно потрёпанную копию чека менеджеру торгового зала, он поинтересовался наличием искомого.

Дамочка-менеджер без труда нашла нужный товар, на этикетке которого были указаны те же шифры: код товара, наименование товара, стоимость и прочие числа, значение которых покупатель не стал уточнять, и направила его в кассу.

Сипкин протянул кассирше сторублёвку и подумал, как кассирша стала бы высчитывать сдачу, если бы вышел из строя калькулятор: на бумажке или при помощи спичек.

Получив желаемое и сдачу, покупатель направился домой, предвкушая долгожданное чаепитие из серебряного подарка. Закрыв за собой входную дверь, не спеша разувшись, он проследовал на кухню и, вынув из буфета подстаканник, стал вставлять в него покупку.

Стакан упорно не желал подчиняться хозяйину, какие-то доли микрон не позволяли этого сделать. Инженер Сипкин, хорошо зная законы термодинамики, ещё надеялся, что в руках подстаканник нагреется, его диаметр увеличится хоть на парудругую ангстрем, и его маниакальное упорство инженера в достижении цели будет вознаграждено по достоинству.

— А, ч-ч-чёрт, — чертыхнулся герой нашего рассказа, заставив нечистого в очередной раз поперхнуться, и, прекратив бесплодные попытки, попытался выяснить причину неудачи.

Сличение чеков привело к выводу об идентичности купленных стаканов, совпадали все параметры: наименование поставщика, код товара,

его наименование, артикул, объём, цена. Но факт остался фактом, и он был упрямее стакана, оказавшегося чуть-чуть шире подстаканника, и исправить этот дефект было невозможно.

Антон Лукич опустил на стул и задумался. Видимо, гости не действуют, а изготавливают по техническим условиям, догадался он. Столько потрачено времени, усилий, денег, но результат оказался нулевым. Отказываясь признать своё поражение, он перебирал в уме возможные варианты решения проблемы: можно было ещё попробовать подержать в морозилке стакан, а на плите нагреть подстаканник, что могло дать недостающие микроны...

«Не будь я Сипкиным, если сдамся какому-то там подстаканнику, — решил он про себя. — Пусть ещё пятьдесят рублей уйдёт на это, но чай сегодня буду пить из серебра!»

Он резко встал, пискнул: — Сипкины не сдаются, — сунул за пазуху подстаканник и пошёл в прихожую обуваться.

Менеджер его узнала ещё при входе и приготовилась к неприятностям; покупатель был возбуждён и решителен, хотя выглядел миролюбивым.

— Вот вам подстаканник, — услышала она от посетителя, — подберите, пожалуйста, подходящий по размеру стакан. Уже столько времени, денег на дорогу потратил.

Подходящий стакан нашёлся быстро, хотя другого артикула и цены, но Антон Лукич был безмерно рад своей победе. Оплатив покупку мелочью без сдачи, чтобы кассирша не насильовала электронику по пустякам, и поблагодарив дамочку за содействие, он, довольный тем, что наконец-то добился желаемого, поехал домой воплощать в жизнь свою мечту — пить чай с лимоном и коньяком из стакана в серебряном подстаканнике.